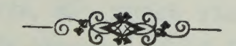
СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ X, № 5.

КОГДА И ДЛЯ ЧЕГО
ОСНОВАНЫ ГОРОДА
УФА и САМАРА?

Историческое разысканіе

академика П. П. Пекарскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. остр., 9 лин., № 12.)
1872.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ. Ноябрь 1872 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

КОГДА И ДЛЯ ЧЕГО ОСНОВАНЫ ГОРОДА УФА И САМАРА?

Историческое разысканіе

академика **П. П. Пекарскаго.**

Если принимать безъ повѣрки то, что писалось у насъ въ XVIII столѣтіи объ отдаленныхъ событіяхъ изъ русской исторіи, то рѣшеніе вопроса о времени и причинахъ построенія городовъ Уфы и Самары не представляетъ никакого сомнѣнія, такъ какъ уже Рычковъ писалъ о первомъ изъ названныхъ городовъ, что онъ «построенъ въ царство царя Ивана Васильевича въ краткомъ времени по взятіи Казани, по прошенію башкирскаго народа, чтобъ имъ положенный на нихъ ясакъ во оный, яко ближайшее отъ нихъ мѣсто, платить, ибо предъ тѣмъ тотъ ясакъ отвозили они въ Казань [1])». Въ другомъ мѣстѣ Рычковъ высказался объ этомъ предметѣ еще съ бо́льшею опредѣлительностью: «По достовѣрнымъ выправкамъ нашлось, что башкирцы о построеніи г. Уфы челобитье свое имѣли во 7081 (т. е. 1573 отъ Р. Х.) г. не только для того одного, чтобъ имъ положенный на нихъ ясакъ тутъ, какъ внутри ихъ жилищъ, платить было льготнѣе, но и отъ непріятелей бы имѣть имъ здѣсь убѣжище и защиту» [2]).

---

[1]) Исторія оренбургская П. Рычкова въ Сочиненіяхъ и переводахъ, къ пользѣ и увеселенію служащихъ, 1759 г., февраль, стр. 113, 114.

[2]) Топографія оренбургской губерніи въ Сочиненіяхъ и переводахъ, къ пользѣ и увеселенію служащихъ, 1762 г., ноябрь, стр. 388.

Исторіографъ Мюллеръ слѣдовалъ объ этомъ предметѣ мнѣнію Рычкова, но такъ какъ онъ былъ гораздо осторожнѣе въ произнесеніи окончательныхъ выводовъ, то, не имѣя въ виду источниковъ, по которымъ Рычковъ дѣлалъ свои «достовѣрныя выправки», не рѣшился принять именно 1573 годъ за годъ основанія Уфы, а ограничился только замѣткою, что этотъ городъ «построенъ въ государствованіе царя и великаго князя Ивана Васильевича, спустя лѣтъ съ двадцать послѣ взятія Казани [1])».

Касательно Самары Рычковъ говорилъ съ меньшею увѣренностью, ссылаясь на старожиловъ, передававшихъ ему, что г. Самара «построенъ гораздо прежде Симбирска, вскорѣ послѣ казанскаго взятья [2])». Противъ этого возражалъ Мюллеръ: «не токмо при царѣ Иванѣ Васильевичѣ, но и при сынѣ его царѣ Өеодорѣ Ивановичѣ въ разрядныхъ запискахъ о г. Самарѣ ни словомъ не упоминается, но въ 7108 (по Р. X. 1600) г. упомянуты воеводы, которые въ Самару, Саратовъ и въ Царицынъ посланы были, изъ чего заключить должно, что сіи города либо не за долго до кончины государя царя Өеодора Ивановича, либо при началѣ государствованія царя Бориса Годунова построены [3])». Послѣ Мюллера, однако, другіе отыскали, что Самара построена ранѣе, чѣмъ полагалъ исторіографъ, и позднѣе времени, обозначеннаго Рычковымъ. Щекатовъ былъ уже въ состояніи замѣтить: «о началѣ сего города во Оренбургской топографіи . . . напечатано, будто бы оный построенъ вскорѣ послѣ казанскаго взятья, но Разрядныя книги доказываютъ, что то учинено не прежде, какъ въ 1591 г., когда построены же города Саратовъ и Царицынъ, и что у строенія онаго начальники были князь Григорій Осиповичъ Жировой-Засѣкинъ, да головы Өедоръ Елизарьевъ сынъ Елчаниновъ и Иванъ Филиповъ сынъ Стрешневъ. Причиною по-

[1]) Географическій лексиконъ Россійскаго государства Ө. Полунина, изданный Г. Ф. Мюллеромъ (М., 1773), стр. 425.

[2]) Топографія оренбургской губерніи въ Сочиненіяхъ и переводахъ, къ пользѣ и увеселенію служащихъ, 1762 г., ноябрь, стр. 200—203.

[3]) Географическій лексиконъ Россійскаго государства Ө. Полунина, изданный Г. Ф. Мюллеромъ, 300, 301.

строенія онаго было то, что въ прежнія времена не безъ страху здѣсь жить было отъ калмыковъ и башкирцевъ [1])».

Сомнѣніе въ существованіи Уфы и Самары при царѣ Иванѣ Васильевичѣ возбуждается уже и отъ того, что донынѣ не обнародовано ни одной грамоты, ни одного акта изъ временъ царствованія этого государя, въ которыхъ бы упоминались тѣ города. Подробности сношеній съ царемъ Иваномъ Васильевичемъ нагайскихъ владѣтелей, кочевавшихъ въ мѣстахъ, гдѣ нынѣ городъ Уфа, съ 1534 по 1576 годъ, давно уже обнародованы [2]); однако въ этой перепискѣ нѣтъ ни одного намека, указывающаго на построеніе новаго города посреди нагайскихъ кочевьевъ. Самъ Мюллеръ, относившій, какъ видѣли выше, построеніе Уфы къ началу семидесятыхъ годовъ XV столѣтія, въ своемъ Описаніи Сибирскаго царства [3]) представилъ несомнѣнное доказательство, что около 1574 г. Уфы еще не существовало. Затѣмъ извѣстно завѣщаніе царя Ивана Васильевича, составленное имъ между 1572—1578 годами, гдѣ подробно перечисляются всѣ города, которые царь отказывалъ сыновьямъ своимъ Ивану и Ѳедору и женѣ царицѣ Аннѣ [4]). Тамъ, между прочимъ, не пропущены города, построенные послѣ взятія Казани, какъ напр. Свіяжскъ и Чебоксары, и пройдено молчаніемъ объ Уфѣ и Самарѣ, равно какъ и о городѣ Бирскѣ, основаніе котораго, однако, Татищевъ пріурочиваетъ къ 1555 г., стало быть считаетъ его старѣе даже выше названныхъ Свіяжска и Чебоксаръ [5]).

---

[1]) Словарь географическій россійскаго государства, собранный А. Щекатовымъ, изд. 2, часть V, стр. 592.

[2]) Продолженіе древней россійской вивліоѳики, часть VII, стр. 225—353, и всѣ части: VIII, IX, X и XI. Переписка эта взята изъ 12-ти томовъ статейскихъ списковъ и нагайскихъ дѣлахъ и, несмотря на то что напечатана еще въ прошломъ столѣтіи, нашимъ изслѣдователямъ остается неизвѣстною; по крайней мѣрѣ ссылокъ на нее не встрѣчается.

[3]) Описаніе Сибирскаго царства сочинено Г. Ф. Мюллеромъ (Спб. 1750), 81, 87—90.

[4]) Дополненіе къ актамъ историческимъ, собранныя и изданныя археографическою коммиссіею, томъ I, 384.

[5]) Лексиконъ россійскій, историческій, географическій, политическій и гражданскій, сочиненный В. Татищевымъ. Томъ I, стр. 162.

Занимающіеся русскою исторіею съ древнихъ временъ вплоть до 1612 года конечно испытали, что при разысканіи подробностей и частностей нѣтъ никакой возможности обойти Исторіи государства россійскаго. Когда является какое либо недоразумѣніе при разъясненіи историческихъ событій изъ сказанныхъ временъ, можно быть впередъ увѣреннымъ, что у Карамзина найдется если не полное рѣшеніе его, то по крайней мѣрѣ указаніе, ссылка, намекъ, которые непремѣнно наведутъ изслѣдователя на надлежащій путь или укажутъ ему способы къ отысканію его. Въ этомъ отношеніи заслуга исторіографа такова, что несмотря на успѣхи, сдѣланные русскою исторіею въ наше время, его приснопамятный трудъ продолжаетъ оставаться лучшимъ и надежнѣйшимъ руководителемъ.

Въ Исторіи государства россійскаго вопросъ о времени основанія Уфы и Самары рѣшенъ весьма опредѣлительно въ одномъ изъ примѣчаній къ X-му тому ея. «Астраханскій воевода князь Ѳедоръ Лобановъ-Ростовскій въ сентябрѣ 1586 года писалъ къ царю (см. Дѣла астраханскія въ московскомъ архивѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ): «пишетъ государь, Урусъ князь, чтобъ твоимъ государевымъ городомъ на Уфѣ и на Самарѣ не быти». Въ семъ году весною, прибавляетъ исторіографъ, начали строить ту и другую крѣпость: первую на Бѣлой воложкѣ, вторую на рѣкѣ Самарѣ [1])».

Несмотря на опредѣлительность такого извѣстія, въ позднѣйшихъ статьяхъ объ Уфѣ и Самарѣ повторялось однако вмѣстѣ съ ссылками на Карамзина и противорѣчащія ему указанія Рычкова и Мюллера о существованіи этихъ городовъ при царѣ Иванѣ Васильевичѣ[2]). Быть можетъ, это происходило отъ того, что Ка-

---

[1]) Исторія государства россійскаго, изд. Эйнерлинга, 1843 г., т. X, стр. 17, примѣч. 40.

[2]) Городскія поселенія въ Россійской имперіи, томъ III, стр. 432; Списки населенныхъ мѣстъ Россійской имперіи, составленные и издаваемые центральнымъ статистическимъ комитетомъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Оренбургская губернія. стр. XLIII; Городскія поселенія въ Россійской имперіи, томъ IV, 365.

рамзинъ не считалъ умѣстнымъ, при передачѣ своей замѣтки о незначительномъ событіи, распространяться о томъ, какъ и откуда сдѣлался ему извѣстнымъ годъ основанія тѣхъ городовъ. Изъ вышеприведеннаго примѣчанія исторіографа не трудно догадаться, что онъ почерпнулъ это извѣстіе изъ крымскихъ и нагайскихъ дѣлъ, хранящихся нынѣ въ московскомъ главномъ Архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, а потому я, воспользовавшись благосклоннымъ содѣйствіемъ директора этого учрежденія князя М. А. Оболенскаго, занялся уцѣлѣвшею перепискою конца XVI столѣтія по сношеніямъ русскаго правительства съ Крымомъ и съ нагайскими владѣтелями. Разсмотрѣніе этихъ бумагъ привело къ полному убѣжденію въ справедливости вышепомянутой замѣтки Карамзина и вмѣстѣ съ тѣмъ дало возможность узнать нѣсколько подробностей о томъ, какъ распространялась въ тѣ отдаленныя времена русская народность на восточной окраинѣ въ предѣлахъ между Волгою и Ураломъ и каковы были тогда отношенія русскихъ къ инородческимъ племенамъ, кочевавшимъ по землямъ, составляющимъ нынѣ наши губерніи: уфимскую, оренбургскую, самарскую, саратовскую и астраханскую.

1584 (7092) г., стало быть въ первый годъ воцаренія Ѳедора Ивановича предполагалось послать «государево жалованье въ Нагаи къ Урусу князю Исмаилеву княжому сыну и къ инымъ мурзамъ, и къ ихъ женамъ и къ дѣтямъ съ Иваномъ съ Хлоповымъ съ товарищи». Это государево жалованье заключалось въ разномъ платьѣ, цѣнность котораго зависѣла отъ значенія и вліянія лицъ, получавшихъ его. Такъ, напр., въ тогдашнюю посылку было расписано: «Урусу князю послано платья на 300 рублевъ (приписано другою рукою: «впередъ послать на 200 руб.») Женамъ его и дѣтямъ опричь сына ево большого Ханъ-мурзы на 200 рублевъ (приписано другою рукою: «на 100 рублевъ впередъ») и т. д. Были и мелкія назначенія, не превышавшія трехъ рублей [1]).

---

[1]) Нагайскія дѣла. Столбецъ съ новѣйшимъ заглавіемъ: $\frac{1584}{7092}$ г. отправленіе Ивана Хлопова къ нагайскому князю Урусу и къ прочимъ мурзамъ съ извѣ-

Иванъ Хлоповъ и его товарищи, при представленіи этихъ подарковъ, обязывались князю Урусу и прочимъ нагайскимъ владѣтелямъ: «про отца нашего блаженныя памяти великаго государя, царя и великаго князя Ивана преставленье сказати и свое государство обѣстити». При этомъ случаѣ нагайскіе князья и мурзы, по тогдашнему обычаю, давали роту и чинили шерть, т. е. присягали сохранять дружественныя отношенія къ Россіи.

Иванъ Хлоповъ прибылъ въ Астрахань въ 1585 г., а 13-го января 1586 (7094) г. туда же прикочевалъ и князь Урусъ. Изъ отписи Хлопова, «какъ ся у него въ Нагаѣхъ государево дѣло дѣлалось», видно, что этотъ Урусъ того же дня прислалъ за Хлоповымъ, чтобы онъ пріѣхалъ къ нему на Корнюшъ. «И Иванъ, сказано въ его отписи, по государеву наказу къ Урусу князю изъ Астрахани поѣхалъ того жъ дни. И велѣлъ Урусъ князь Ивану подворье дати у Телисуфа. И Иванъ говорилъ приставу Караши, чтобы ево поставили индѣ, потому что Телисуфа пословъ государевыхъ безчеститъ. И Ивана индѣ не поставили, а поставили у Телисуфа и пошлинъ у Ивана не просили никакихъ»...

На слѣдующій день Хлоповъ правилъ поклонъ князю Урусу, но этотъ принялъ его съ упреками. Такъ онъ, между прочимъ, тогда говорилъ: «(л. 4) то-ли деи правда нынѣшнего великого князя? Сего деи лѣта астраханскіе люди поймали моего улусного человѣка, да вкинули его въ тюрьму при тебѣ, при Иванѣ, сего лѣта. А которые казаки воры живутъ на Волгѣ и у меня деи лошади отгоняютъ, и улусы воюютъ и крадутъ. И тѣ казаки по запасъ ѣздятъ въ Астрахань и лошади покупаютъ въ Астрахани. А которой полонъ емлютъ въ моихъ улусѣхъ и тотъ полонъ продаютъ въ Астрахани тезикомъ въ Бухары. А которые полоняники отъ меня бѣгаютъ калмыки и литовской полонъ въ Астрахань, и воевода намъ тѣхъ полоняниковъ не выдаетъ, а лошадей намъ тѣхъ не отдаетъ же, на которыхъ полоняники бѣгаютъ. (л. 5) И Иванъ говорилъ: то тебѣ нѣхто сказывалъ не подѣльно—

стіемъ о кончинѣ царя Ивана Васильевича и съ жалованьемъ, къ нимъ отъ царя Ѳедора Ивановича посланнымъ.

государя нашего въ Астрахани о томъ .... заказъ: которые воры казаки громятъ ваши улусы и государя нашего торговыхъ людей на Волгѣ грабятъ, и тѣхъ людей велѣно сыскивати .... и казнити смертью; а вы бъ съ своей стороны тѣхъ воровъ по тому жъ побивали. А полонъ, которой отъ васъ бѣгаетъ литовской, и нѣмецкой и калмыцкой, и тотъ полонъ велѣно вамъ отдавать. И Урусъ князь говорилъ: сказываешь, что воеводы казаковъ унимаютъ, ано и сево лѣта при тебѣ, какъ ты былъ въ Астарахани, приходили казаки и не однова на мои улусы, и язъ деи ихъ побилъ, и они тѣхъ мертвыхъ возили въ Астарахань, да воевоцкова брата убили, и они деи ево схоронили въ Астарахани жъ. И нынѣ деи тѣ казаки живутъ на Волгѣ и на Яикѣ и мои улусу воютъ (sic) украдомъ. А все то стало при нынѣшнемъ государѣ вашемъ, а при старомъ великомъ князѣ того не бывало, и мнѣ за то-ль государю вашему правда дать и дружбѣ быть? И Иванъ говорилъ: государь нашъ царь и великій князь, увидя къ себѣ твою правду, учнетъ тебя держати по тому жъ, какъ отца твоего Исмаила князя и брата твоего Тинехмата князя держалъ въ дружбѣ отецъ государя нашего».

За тѣмъ Урусъ, обѣщавъ дружбу царю, если съ нимъ онъ будетъ поступать по прежнему, отпустилъ Хлопова въ Астрахань, а 16 января снова вызвалъ его къ себѣ «на поле:» «(л. 7) И велѣлъ Урусъ князь принести къ себѣ куранъ и у шерти говорилъ Иванъ Урусу князю: скажи деи государю своему, чтобы казаковъ съ Еика и съ Волги велѣлъ свести и казну бъ къ нему присылалъ по прежнему, какъ и отецъ его присылывалъ къ нему казну свою. А въ Астарохань бы деи государь къ воеводамъ своимъ отписалъ, чтобы того всего дурна впередъ не было, какъ нынѣ дѣлаетца: полонъ бы деи мой отдавали по прежнему, да и казаковъ бы асторахансkихъ унимали какъ при прежнемъ государѣ было».

Что потомъ происходило съ Хлоповымъ у князя Уруса до августа 1586 г., извѣстій самого Хлопова не сохранилось; но онъ былъ задержанъ этимъ нагайскимъ владѣтелемъ послѣ полу-

ченія извѣстія о намѣреніи царя основать новые города, о чемъ такъ говорится въ грамотѣ князя Уруса къ царю Ѳедору Ивановичу, писанной, какъ увидимъ ниже, осенью того же 1586 года: (л. 8) «Многова крестьянства государю, царю и великому князю Ѳедору Ивановичю всеа Русіи Урусъ князь много челомъ бьетъ. Отецъ твой бѣлой царь съ моимъ отцомъ съ Исмаилемъ княземъ въ дружбѣ и въ любви были; а какъ отца моего Исмаила князя не стало, и язъ отъ отца твоего бѣлаго царя не отсталъ. А ты, какъ не стало отца твоего, ты тотъ же часъ отъ меня отсталъ. А лѣтось послалъ еси ко мнѣ посла своего Ивана Хлопова, и посолъ твой Иванъ зазимовалъ въ Астарахани, а пришелъ ко мнѣ на веснѣ. А язъ передъ Иваномъ тебѣ роту и шерть учинилъ на томъ, что мнѣ отъ тебя до своей смерти не отстати, и хотѣлъ есми послати къ тебѣ посла своего съ твоимъ посломъ вмѣстѣ; ажно въ тѣ поры пріѣхалъ отъ тебя толмачь Бахтіяръ съ досадными словами. Такихъ словъ отъ отца твоего бѣлово царя отецъ мой Исмаилъ князь не слыхалъ. А приказалъ еси съ нимъ, что ты на четырехъ мѣстѣхъ хочешь городы ставити: на Уфѣ, да на Увѣкѣ, да на Самарѣ, да на Бѣлой воложкѣ. А тѣми мѣсты (л. 9) твои дѣды и отцы владѣли-ли?.. Поставилъ тѣ городы для лиха и недружбы. Да писалъ еси ко мнѣ, чтобы мнѣ съ башкурдовъ и съ остяковъ дани никакія не имати, и только ... дани пошлю своего человѣка данщика дани .... съ башкурдовъ и съ остяковъ, и ты тѣхъ моихъ данщиковъ велишь побити. Отецъ твой такъ-ли дѣлалъ? И съ тѣхъ остяковъ не токмо отецъ мой Исмаилъ князь отъ Идигѣя князя и по се время съ остяковъ дань мы имывали. Другу такихъ словъ не приказываютъ. Да писалъ еси ко мнѣ, будто язъ, сложась съ Кучюмомъ царемъ, твоихъ людей побилъ и на Сибирь ихъ не пропустилъ, и то слово ложно: друга напрасно не поклеплютъ. Да писалъ еси ко мнѣ, нѣкоторые мурзы съ Саадемъ Киреемъ царемъ кочюютъ, и мнѣ бы тѣхъ мурзъ жаловати и чтити и быти съ ними въ соединенье; а Казыева улуса мурзы недруги и твои, и мои и ты недруговъ своихъ другомъ себѣ чинишь. То слово недоброе, и съ тѣми своими досадными

словесы хотѣлъ есми послати къ тебѣ съ посломъ твоимъ съ Иваномъ Хлоповымъ посла своего; ажъ тѣ поры пришедъ на Яикъ казаковъ съ шестьсотъ семьсотъ поставили (л. 10) городъ большой. И съ того города намъ много лиха починили, и Иванъ Хлоповъ то видѣлъ. А которые русаки намъ въ руки попадались и они. . . намъ: мы де дѣлаемъ по государя нашего приказу, а городъ де поставили на Яикѣ. . . воюемъ по государеву велѣнью. Все. . . . такъ надо мною дѣлаешь? Отецъ твой. . . . такъ не дѣлалъ, и мы, видѣвъ твою такую недружбу чаели тобя недругомъ и. . . . есми задержали твоего посла Ивана Хлопова. Говорятъ у насъ въ татарѣхъ: неотстатолному другу досадное слово говорити непригоже. А ты мнѣ такія досадныя слова приказалъ, кои мнѣ отнюдь забыть не можно. Безъ пени и другъ не бываетъ. А хотя бъ моя и вина была, и тебѣ было непригоже мнѣ такія поклепныя слова приказати[1])». . .

Съ упоминаемымъ въ этой грамотѣ толмачомъ Бахтеяромъ ѣздили къ князю Урусу служивые юртовые татары Балыкчей и Казымайданъ. Они, видя, что нагайскій владѣлецъ не отпускаетъ домой русскаго посольства, бѣжали изъ его улусовъ и 25 августа явились въ Астрахань, гдѣ передъ тамошнимъ воеводою княземъ Ѳедоромъ Михайловичемъ Лобановымъ-Ростовскимъ дали такія показанія: (л. 18) ...«А Ивана де Хлопова Урусъ князь хотѣлъ отпустить къ тебѣ, ко государю. И какъ де пріѣхали Бахтеяръ съ товарыщи, и Урусъ де князь Ивана Хлопова оставилъ у себя. А были де мы у Уруса князя товожъ дни въ которой день пріѣхали. И Урусъ де князь твою государеву грамоту прочелъ да и замолчалъ. А Иванъ де Хлоповъ у Уруса князя въ тѣ поры не былъ. Да приходили де казаки на Хозинъ улусъ и убили Бабухозю да жену ево; да взяли въ полонъ Карашманъ Хозину жену,

---

[1]) Нагайскія дѣла. Столбцы съ новѣйшею подписью: № 8. $\frac{1586}{7094}$ іюня 29. Отправленіе посла Ивана Хлопова къ нагайскому князю Урусу, къ Сейдъ Ахметъ мирзѣ и къ прочимъ мирзамъ для приведенія ихъ къ присягѣ въ вѣрности россійскому государю Ѳедору Ивановичу. Въ нѣкоторыхъ столбцахъ съ краю столбцы попорчены отъ гнилости.

а Урусову сестру, а Карашманъ де Хозя утекъ. А были де на томъ дѣлѣ Шиди Ахметъ мирза, да Кучюмъ мирза, да Ханъ мирза, да Ярасланъ мирза, да Сатый мирза. И казаки де отъ нихъ отошли на лѣсъ. А взяли де у нагаевъ казаки нагайскихъ людей и полону съ триста душъ. А атаманъ де у казаковъ Матюшею зовутъ, а было де, сказываютъ, казаковъ человѣкъ съ пятьсотъ. А поставлены де, государь, у казаковъ на Яикѣ три городки. Да взяли де казаки у нагаевъ съ три тысячи животины да пятнадцать пансырей. А приходили де казаки на улусы на Яикѣ въ полдни да убили де казаки Сатыева улуса Наимана келде ураза де Ханъ мирзина Юшана Кулюихъ багатыря и дѣтей де ихъ. Насъ не хотѣли отпустить, и мы де побѣжали»... (л. 20)... «И Урусъ князь для того Ивана Хлопова и не отпустилъ, а говорилъ де Урусъ князь и мирзы: государь де прислалъ къ намъ пословъ, да и войну за ними прислалъ. А приходили де тѣ люди на наши улусы и астраханскихъ воеводъ вѣдома. А сказываютъ де, что Урусъ князь и мирзы пословъ не грабили и людей ихъ не продавывали, а хочетъ де Урусъ князь съ нами, холопи твоими, поговорити, отчево задоръ сталъ, вить да толды и пословъ пустимъ. А изъ за Яику де Урусъ князь и мирзы поворотили».

«Да полоненники жъ сказывали: поставили де русскіе люди городъ (л. 21) на Кюшъ Яикѣ, и приходили къ городу Ханъ мирза да Ярасланъ мирза съ нагайскими людьми, и русскіе де люди нагай побили, а у русскихъ людей побитые есть же. И Урусъ де князь и мирзы збираютца съ людьми, а хочетъ идти къ новому городу. А говорятъ: только де городъ возьмутъ, и имъ де, сказываютъ, идти кочевати къ Астарохани; а только де города не возмутъ и имъ де кочевать за Сыръ рѣку. А какъ де, государь, нагайскіе люди приходили къ новому городу и взяли подъ городомъ твоихъ государевыхъ людей трехъ человѣкъ и привели ихъ къ Урусу князю. И Урусъ князь ихъ распрашивалъ про городъ, и они сказали, что городъ крѣпокъ — взяти имъ города нелзѣ. А бухарскій де царь сево лѣта въ нагаи торговыхъ людей

не отпустилъ ни одново человѣка, и нагаи де стали наги... (л. 22). А Иванъ де Хлоповъ стоитъ у Тиналеисупы близко Уруса князя; а пословъ де не грабливали; а казаковъ де нагаи облегли; а казаки де стоятъ на Яикѣ въ крѣпости, а около ихъ вода и суды, и лошади и животина у нихъ есть. А говоритъ де Урусъ князь: только де я возму казаковъ, и я де буду кочевати подъ Асторахань, а только де не возму казаковъ, и я де пойду кочевать за Сыръ рѣку.... (л. 23).... А Ивана де Хлопова Урусъ князь къ себѣ не емлетъ, а емлетъ къ себѣ толмачей Будалея съ товарыщи. А у Ивана де, государь, Хлопова проситъ Урусъ князь ста двадцати рублевъ для отпуску, и Иванъ де Хлоповъ Урусу князю говоритъ: есть де у меня пятнадцать рублевъ денегъ про себя, а похочешь де меня грабить, и то де вѣдаешь ты».

Кромѣ того въ той же перепискѣ на л. 31 есть отрывокъ, очевидно составляющій продолженіе тѣхъ же показаній, но къ сожалѣнію не представляющій цѣлаго за утратою нѣсколькихъ листковъ: «Государь де у насъ отъимаетъ ясаки съ иштаковъ (съ остяковъ), что де имывали прежде сего, а хочетъ тое пошлину имать на себя. Да государь же де ставитъ городы на Самарѣ, и на Бѣлой воложкѣ, и на Уфѣ и на Яикѣ, и мнѣ де какъ государевыхъ пословъ и своихъ за то отпустить? И мирзы де, государь, и черные люди учали Урусу князю говорити: пословъ де государевыхъ затѣмъ не держи и своихъ посылай, а о томъ пиши ко государю. И въ тѣ де поры пришли казаки на Хозины улусы, на богомольцовъ на Карах...зинъ и на Бабѣ Хозинъ и на Карасманъ Хозинъ, и тѣ улусы погромили. Да въ тѣхъ же де улусахъ взяли казаки Исмаилеву княжую дочь Урусову сестру, а имени ей не упомнитъ. И Урусъ де князь учалъ говорити мирзамъ и чернымъ людямъ: смотрите де вы государевы правды — кой де часъ къ намъ грамоты прислалъ, тотъ де часъ на насъ и казаки пришли. И мирзы де, государь, и черные люди о томъ учали говорити Урусу князю: о томъ де пиши ко государю, а государевыхъ [1])».

---

[1]) Нагайскія и крымскія дѣла. Столбцы съ новѣйшимъ заглавіемъ: № 1, $\frac{1586}{7094-7095}$ г. Отписки въ посольской приказъ отъ астраханскихъ воеводъ князя Лобанова-Ростовскаго съ товарищи по дѣламъ нагайскимъ.

Кромѣ князя Уруса, задержалъ царскаго гонца Розигилдея Любоченинова нагайскій владѣтель Сеидъ-Махметъ-мирза. Причинами тому, какъ объяснялъ онъ самъ Любоченинову, были нападенія казаковъ на улусы, угонъ ими лошадей у нагайцевъ и, наконецъ, полонъ дочери князя Исмаилы. Любочениновъ въ Нагаи выѣхалъ изъ Астрахани 9 февраля 1586 г., и Сеидъ-Махметъ-мирза его продержалъ у себя до 17 сентября того же года [1]).

Между тѣмъ боярскія дѣти Василій Колтовскій, Өедоръ Стремоуховъ и Бунда Языковъ, отправленные одновременно и съ тѣмъ же порученіемъ, какъ и Хлоповъ и Любочениновъ, къ другимъ нагайскимъ мирзамъ въ августѣ 1586 г. вернулись въ русскіе предѣлы въ сопровожденіи пословъ отъ тѣхъ мирзъ. Всего прибыло тогда нагайцевъ 128 человѣкъ, которые пригнали съ собою 1400 лошадей. Названныя боярскія дѣти и привезли царю первую вѣсть о задержаніи своихъ товарищей: «(л. 3). А Ивана, государь, Хлопова Урусъ князь да Сеидъ-Ахметъ-мирза Розгилдея Любоченинова не отпустили за тѣмъ, что у нихъ воевали на Яикѣ казаки засарачиковскіе улусы, а побили, государь, у нихъ и въ полонъ поимали многихъ людей; и убили, государь, дву сеитовъ лутчихъ людей». 27 августа нагайскіе послы прибыли къ Москвѣ, и тогда подтвердилось извѣстіе это вполнѣ: (л. 4). «А про Ивана Хлопова и про Розгилдея Любоченинова сказали, что Урусъ князь и Сеидъ-Ахметъ-мирза ихъ задержали потому, что казаки волжскіе улусы отвоевали [2])».

Въ нѣкоторыхъ изъ присланныхъ тогда отъ мирзъ грамотъ заключаются подробности, которыя могутъ дать понятіе объ отношеніяхъ нагайцевъ къ Россіи въ эпоху царствованія Өедора Ивановича. Кучюки мирза, напр., объясняя въ своей грамотѣ при-

---

[1]) Нагайскія дѣла. Столбцы съ новѣйшею надписью: № 5, $\frac{1586}{7094}$ г. февраля 3. Бытность гонца Розгильдея Любоченинова у нагайскаго Сейдъ-Ахметъ-мирзы для приведенія его къ присягѣ въ вѣрности царю Өедору Ивановичу.

[2]) Нагайскія дѣла. Столбцы съ новѣйшимъ заглавіемъ: 1585 (?) г. Отписки въ посольской приказъ дворянъ Колтовскаго, Стремоухова и Языкова, посыланныхъ въ Нагаи для приведенія къ присягѣ мирзъ въ вѣрности царю Өедору Ивановичу.

чины неудовольствій князя Уруса на русское правительство, еще не упоминалъ о построеніи новыхъ городовъ и нападеніи казаковъ. такъ какъ объ этомъ вѣроятно стало извѣстно послѣ уже отправленія грамоты Кучюкъ мирзою.

(Л. 21). «Божіею милостію царю и великому князю Ѳедору Ивановичу всеа Руси Кучюкъ мирза челомъ бьетъ. Послѣ челобитья слово то: язъ здѣсе далъ Богъ здорово. Чтобъ тебѣ на многія лѣта здорову и счастливу быти. Да какъ отецъ вашъ бѣлой царь и великій князь зъ дѣдомъ нашимъ съ Исмаилемъ княземъ, что отецъ съ сыномъ, и по смерть свою и правда ихъ и на конѣ учинилась. А послѣ того и дяди моего Тинахмотова княжая правда инако не бывалажъ. И какъ дядя нашъ Урусъ князь княземъ учинился и съ тѣхъ мѣстъ правда его передъ тобою не сошлась. И мы о томъ спросили дяди своего, для чего со государемъ чинишся въ такой остудѣ? И онъ говоритъ: отъ астараханскихъ деи воеводъ со государемъ есми въ остудѣ учинился для того: какъ бѣлой царь и великій князь Иванъ Васильевичь ходилъ воевать въ литовскую землю и нѣмецкую, и толды деи просилъ у меня воинскихъ людей къ государю на недруга своево, и язъ деи воинскихъ людей ко государю недруга его воевати послалъ, и они государю служили и саблю его на недруга довели. Которой литовской и нѣмецкой (л. 22) полонъ поимавъ, они сюды съ собою привезли были, и тѣ всѣ побѣжали въ Астарахань, и язъ деи посылалъ въ Астарахань къ воеводамъ просити ихъ, и они не отдали. И язъ деи о томъ писалъ къ великому князю, и князь великій де мнѣ отказалъ. Которой де мои крестьянской полонъ, о тѣхъ бы не погнѣвался; а которой де литовской и нѣмецкой полонъ, и за тотъ де полонъ велѣлъ есми цѣну платити, и они де того мнѣ не дали. И только бы де государь похотѣлъ въ правду къ нимъ приказати, смѣть ли было холопу государева повелѣнья ослушатца? Приказываетъ де къ нимъ князь великій не въ правду, потому де на нево и гнѣваюсь. И какъ ты его пожалуешь, гнѣвъ его отведешь, въ томъ ты воленъ еси, государь. А язъ, паметуючи дѣда своего Исмаилеву княжую къ дѣдѣ своего Тинъ-ахматову княжую

правду, отъ правды своей и до смерти не отстану[1])».... Въ концѣ просьба о присылкѣ подарковъ всѣмъ ближнимъ людямъ Кучюкъ мирзы каждому порознь.

Другой нагайскій владѣтель Ханъ мирза такъ обращался къ царю: «Всего крестьянства государю Ѳедору царю Ханъ-мирза челомъ бьетъ. Послѣ челобитья слово то у меня: тово на мысли не было, чтобъ мнѣ волею отъ тебя отстати, а учинились межъ нами многія ссорныя слова, по тому межъ нами остуда стала. И какъ отъ тебя пришла ко мнѣ грамота, а велѣно мнѣ итти къ Астарахани. И я, къ Астарахани пришедъ, передъ твоимъ посломъ шерть учинилъ, повѣрилъ слову твоему. А тебѣ было съ Волги, и съ Яика, и съ Дону казаковъ свести, и будетъ похошь меня себѣ прямымъ другомъ имѣти, и ты бъ съ Волги, и съ Яики и съ Дону казаковъ, велѣлъ свести[2])»...

Слѣдующая грамота Урмахметъ мирзы наполнена въ одно и то же время и увѣреніями въ дружбѣ, и угрозами и просьбами о присылкѣ подарковъ не только самому мирзѣ, но его старухѣ матери, каждой женѣ и пр.[3]).

(Л. 10). «Всего крестьянства госудурю царю и великому князю Ѳедору Ивановичу всеа Русіи Тинехматовъ княжой сынъ Урмахметъ мирза челомъ бьетъ. Прежъ сего съ отцомъ твоимъ зъ бѣлымъ царемъ и великимъ княземъ Иваномъ отецъ мой Тинехматъ князь въ миру и въ ссылкѣ были, и намъ бы — аже дастъ Богъ — потомужъ съ тобою быти въ ссылкѣ и въ дружбѣ, чтобъ межъ нами торговые люди ходили съ лошадьми и со всякимъ торгомъ и

---

[1]) Столбцы съ новѣйшею подписью: № 9. $\frac{1586}{7094}$. Бытность у царя Ѳедора Ивановича нагайскихъ пословъ Токъ хози, Зоркаря, Яикъ-Хози и прочихъ съ грамотами отъ нагайскихъ мурзъ и разныхъ ихъ прошеніяхъ.

[2]) Нагайскія дѣла. Столбцы съ новѣйшимъ заглавіемъ: № 4, $\frac{1586}{7094}$ г. Бытность въ Москвѣ нагайскаго посла Яншая Байтерекоза, присланнаго отъ Урусова сына Ханъ-мирзы съ донесеніемъ о учиненіи имъ въ Астрахани въ вѣрности россійскому государю присяги.

[3]) Столбцы съ новѣйшею надписью: № 9, $\frac{1586}{7094}$. Бытность у царя Ѳеодора Ивановича нагайскихъ пословъ Тохъ-Хози, Зоркаря, Яикъ-Хози и прочихъ съ грамотами отъ нагайскихъ мурзъ о разныхъ ихъ прошеніяхъ.

прибытка себѣ на обѣ стороны искали, чѣмъ намъ воеватца и намъ бы лутчи себѣ прибыль чинить добродѣтелью (л. 11). А нынѣ ты, царь Ѳедоръ Ивановичь всеа Руси присылаешь ко мнѣ зъ гнѣвомъ, да приказываешь часто, чтобъ намъ къ твоему недругу хъ Казыеву улусу не приставати и людей бы своихъ съ его людьми на твою Украйну войною не посылати. И только нынѣ сѣхъ моихъ пословъ гораздо почтишь и торгъ имъ дашь, и жалованьемъ ихъ своимъ гораздо пожалуешь; а мы будетъ послѣ тово учнемъ на твою Украйну войну пропущати; и гнѣвъ твой на насъ по дѣломъ будетъ. А нынѣ ты и язъ на государствѣ учинились вновѣ и шертную есми грамоту послалъ вновѣ, да сему слову моему правда то, что осми моихъ братовъ, да семи сыновъ, и всѣхъ моихъ улусовъ, и дву дядь моихъ Уруса князя да Сеидъ-Ахметъ мирзы узды ихъ územ поводъ у меня въ рукахъ; куды ихъ не поворочю на миръ или на войну, то въ моей волѣ, такъ бы еси вѣдалъ. И будетъ меня пожалуешь по тому жъ, какъ отца моего жаловалъ, да въ любви держалъ, и ты бъ мои запросы пожаловалъ ко мнѣ прислалъ.

«Въ началѣ прошу у тебя, чтобъ еси пожаловалъ отпустилъ ко мнѣ Эль мирзу, да пожаловалъ бы еси ко мнѣ прислалъ кречатъ доброй, да сѣдло золотомъ писано со всѣмъ нарядомъ; да котелъ винной на выемокъ, опричь тово, которое свое жалованье пришлешь. (л. 12). Да человѣкъ нашъ Аллагуломъ зовутъ отъ колькихъ лѣтъ живетъ на Москвѣ. А чаю живетъ онъ у Эль мирзы, и ты бъ пожаловалъ сыскавъ ево, велѣлъ отпустить ко мнѣ. Прошу ево крѣпко, и только пришлешь великой на мнѣ минятъ положишь, миръ нашъ и шерть на томъ, чтобъ се мое прошенье тебѣ и на конѣ учинити. А правда моя передъ тобою дядей моихъ правды больши, а жалованье твое доходитъ до меня меньши всѣхъ: то моя на тебя, царя и великого князя, большая досада. А отецъ твой къ отцу моему казны многія куны, и сукна (л. 13) и деньги присылывалъ, и дочеремъ ево на выдаванье жалованье свое и нарядъ присылывалъ. И будетъ похочешь со мною въ прямомъ миру быти, и ты бы то все пожаловалъ ко мнѣ при-

сылалъ. Да матери моей царицѣ, да двумъ моимъ женамъ большой женѣ кучюмъ царевѣ дочери, да другой женѣ Ханъ-тотаю порознь бы еси свое жалованье прислалъ. Да брату моему меньшему Тинъ Махметъ мирзѣ, да и къ инымъ братьямъ моимъ по прежнему обычаю къ нимъ съ своимъ жалованьемъ дѣтей боярскихъ присылалъ бы еси. Да Шихмаевы дѣти кочуютъ съ нами жъ вмѣстѣ, и къ нимъ бы еси дѣтей боярскихъ съ своимъ жалованьемъ присылалъ. Да збѣжалъ отъ меня въ Астарахань холопъ мой волосково полону, и ты бъ велѣлъ, сыскавъ ево, мнѣ отдати, и то мнѣ будетъ добрѣ за честь. И только свое жалованье къ намъ слишкомъ учинишь, и какъ недругъ твой турской солтанъ пойдетъ къ Астарахани, и мы учнемъ противъ ево стояти (л. 14). И будетъ тово нашего слова не послушаешь съ нами завоюешся, и изъ Волги и изъ Яика воды не дашь, а почаешь себѣ то, что мы отдалели въ Тайбугинскую страну, и наша шерть порушитца и любовь наша до конца урветца. А насъ Мангыцкихъ людей и съ Шихмамаевыми дѣтьми сорокъ темь и только сложась съ Казыевыми улусы и свѣстяся съ крымскими людьми, соединачився всѣ вмѣстѣ будемъ, и насъ будетъ сто темь людей, и съ такою со многою ратью учнемъ искати, кому жъ што Богъ дастъ, то будетъ.

(Л. 15). Да подъ тою жъ грамотою приклеено, а рука не одна:

Да бью челомъ и печалуюсь: какъ пришла къ намъ отъ тебя грамота и наказъ что велѣно итти намъ къ Астарахани, и мы всѣ по твоему наказу, пришедъ къ Астарахаии, тебѣ шертовали, и вѣру дали, и пошли назадъ къ себѣ. И пришедъ къ себѣ, только двѣ ночи ночевали, ажъ за нами пришедъ казаки 400 человѣкъ... (Далѣе по ошибкѣ подклеенъ другой отрывокъ столбца, не подходящій къ этой грамотѣ)...

(Л. 16). Да у тое жъ грамоты писано на полѣ, а рука одна:

Государынѣ моей старѣйшей матери Телѣги крыть прислалъ бы еси суконъ лазоревыхъ; да которое свое жалованье ко мнѣ пошлешь, и ты бы то далъ послу моему Токхозѣ въ руки; да

прислалъ бы еси ко мнѣ пансырь доброй; да моему бъ еси человѣку ослободилъ купити на меня осмьнадцать душъ полону. А которыя деньги ко мнѣ пошлеть, и ты бъ далъ ихъ въ руки казначею моему Токтагулъ Имилдешю; да брата моего Кучюмъ мирзу почтилъ бы еси, потому что онъ у меня изъ осми братовъ любимый братъ. Писана грамота».

Мѣсяцъ спустя послѣ пріѣзда нагайскихъ пословъ, состоялось слѣдующее распоряженіе объ отпускѣ ихъ и отправленіи съ ними въ посланцахъ нѣсколькихъ дѣтей боярскихъ:

(Л. 7). И сентября въ 23 день, царь и великій князь Θедоръ Ивановичь всеа Русіи переводовъ нагайскихъ грамотъ слушалъ и приговорилъ зъ бояры: къ Урмагметъ мирзѣ Тинехматову княжому сыну и къ инымъ мирзамъ послать дѣтей боярскихъ зъ жалованьемъ, а посылку къ Урмахметъ мирзѣ и къ мирзамъ приказалъ государь послати передъ прежнимъ съ прибавкою. А къ Урусу князю и къ Сеидъ Ахметъ мирзѣ и къ Ханъ мирзѣ дѣтей боярскихъ государь не велѣлъ для того, что Урусъ Князь и Сеидъ Ахметъ мирза государевыхъ пословъ Ивана Хлопова да Розгилдѣя Любученинова у себя задержали и пословъ своихъ ко государю не прислали. А Ханъ мирза государева сына боярскаго, которой къ нему посыланъ, Бундея Языкова отпустилъ awграбя и обезчестя. И грамотъ государь къ Урусу князю и къ Сеидъ Ахметъ мирзѣ посылать не велѣлъ. А писалъ государь объ нихъ къ племянникомъ его къ Урмагметъ мирзѣ съ товарищи, чтобъ они передъ государемъ, исправилися и пословъ бы государевыхъ Ивана Хлопова и Розгильдея Любученинова и служилыхъ тотаръ (л. 8) ко государю отпустили и съ ними вмѣстѣ своихъ пословъ добрыхъ людей со многими жеребятье прислали, да и ратныхъ бы людей ко государю прислали изо всѣхъ улусовъ до трехъ тысячь человѣкъ.....

Вмѣстѣ съ этимъ распоряженіемъ находится списокъ съ грамоты, несомнѣнно подтверждающей, что въ сентябрѣ 1586 г. Самара была основана, и въ ней уже былъ воевода:

(Л. 19) «Отъ царя и великаго князя Θедора Ивановича всеа

Русіи въ новой Самарской городъ воеводѣ нашему князю Григорью Осифовичу Засѣкину. Отпустили есмя нагайскихъ Урмагметъ мирзиныхъ, да Кучюкъ мирзиныхъ, да Ханъ мирзиныхъ, да Арасланъ мирзиныхъ, да Танъ Магметъ мирзиныхъ пословъ Тонкою съ товарыщи. А съ ними вмѣстѣ отпустилъ есмя въ нагаи дѣтей боярскихъ къ Урмагметъ мирзѣ Ѳедора Гурьева, къ Кучукъ мирзѣ Ивана Страхова, къ Арасланъ мирзѣ Ратая Норова, а съ ними служилыхъ татаръ Байсубъ Девлетъ Козина съ товарыщи. И какъ Ѳедоръ Гурьевъ съ товарыщи и съ нагайскими послы въ Самарской городокъ пріѣдутъ, и ты бы ихъ отпустилъ къ Астарохани. А проводити ихъ послалъ до Астарохани до пятидесятъ человѣкъ стрѣльцовъ, а казанскихъ стрѣльцовъ отпустилъ. А будетъ де Ѳедоръ Гурьевъ съ товарыщи съ нагайскими послы придутъ въ Самару и въ Самарѣ (л. 20) замерзнутъ, и до Астарахани будетъ имъ въ судѣхъ дойти не можно, и ты бъ нагайскихъ пословъ отпустилъ полемъ (сверху приписка: которыхъ пошлютъ послы) и съ ними отпустилъ служилого татарина и проводити ихъ послалъ стрѣльцовъ, чтобъ имъ до ихъ улусовъ отъ казаковъ пройти здорово (зачеркнуто): А Ѳедору Гурьеву съ товарыщи и служилымъ татаромъ велѣлъ въ тѣ поры побыти въ Самарѣ, а послы нагайскіе и съ тѣ... (приписано вмѣсто того между строкъ). А какъ подъ нихъ лошади пригонятъ, то ихъ отпустилъ и съ послы нашими. А будетъ подъ нашего посла....

Въ наказахъ русскимъ, посланцамъ, а также и въ грамотахъ къ мирзамъ находились тогда подробныя изъясненія о причинахъ построенія новыхъ городовъ, съ очевидною цѣлью разсѣять опасенія, возбужденныя въ нагайцахъ этими рѣшительными мѣрами русскаго правительства. Такъ, напр., въ грамотѣ къ Арасланъ мирзѣ отъ имени царя, между прочимъ было писано:

(Л. 31) «А мы на Волгѣ и на Самарѣ васъ велѣли беречи накрѣпко и вашихъ улусовъ отъ воровъ отъ казаковъ чтобъ отнюдь никаковъ казакъ не воровалъ и на ваши улусы. не приходилъ, того для есмя и городъ поставили на Самарѣ, чтобъ вамъ и вашимъ улусомъ было бережнѣе; да и на Бѣлой волошкѣ городъ

есмя того для поставили, чтобъ вамъ отъ козаковъ не было воровства. А которые воры козаки будутъ на Яикѣ или вверхъ Самары, и вы бъ ослався въ нашъ городъ на Самару съ нашими воеводами на тѣхъ воровъ ходили съ нашими людьми вмѣстѣ и ихъ побивали и, имая, вѣшали. А мы въ Самарской городъ къ воеводамъ своимъ писали, а велѣли имъ съ вами на воровъ на козаковъ, которые громятъ ваши улусы и нашихъ торговыхъ людей громятъ, посылати стрѣльцовъ и казаковъ съ вогненымъ боемъ съ вашими людьми вмѣстѣ, и тѣхъ воровъ побивати и, имая, вѣшать. И вы бъ нынѣ кочевали по Волгѣ и по Самарѣ у нашего новаго города безо всякаго опасенья, какъ у своего города, съ нашими людьми у Самарского города торговали; а убытка вамъ изъ того города ни которого не будетъ: для того есми городы на Волгѣ, на Самарѣ и на Бѣлой волошкѣ велѣли устроити, чтобъ вамъ и вашимъ улусомъ отъ воровъ отъ козаковъ никакова убытка не было.

Въ наказѣ, посланномъ съ Иваномъ Страховымъ (на л. 52, 53) (почти тоже Гурьеву и Норову л. л. 37, 38 и 65, 66): А будетъ Кучюмъ мирза или иной которой мирза учнутъ ево спрашивати: для чево государь на Самарѣ и на Бѣлой волошкѣ городы поставилъ? И... говорити: на Самарѣ государь велѣлъ городъ поставити для ихъ нагайскихъ мирзъ для береженья, что они ко государю пишутъ на волжскихъ козаковъ на воровъ, что ихъ улусы за все громятъ, а тѣ воры козаки на Волгѣ и государевыхъ торговыхъ людей громятъ и грабятъ и побиваютъ И для тово государь городъ велѣлъ поставити на Самарѣ, чтобъ имъ и ихъ улусомъ отъ казаковъ отъ воровъ ни которого убытка не было ни на Волгѣ, ни на Самарѣ. А которые воры на Волгѣ и на Самарѣ были, тѣхъ государь велѣлъ переимати и казнити, чтобъ впередъ имъ нагаемъ жити по Волгѣ и по Самарѣ и по Яику безъ боязни. А будетъ почнутъ воры жить на Яикѣ, и государь съ Самары велѣлъ на тѣхъ воровъ съ вашими людьми вмѣстѣ посылать стрѣльцовъ, чтобъ надъ ними промышлять съ вашими людьми вмѣстѣ и, ихъ переимавъ, побивать, чтобъ вамъ

же было бережнѣе отъ воровъ отъ волжскихъ казаковъ. А на Уфѣ на бѣлой воложкѣ государь велѣлъ городъ поставити, что бѣглой изъ Сибири Кучюмъ царь, пришедъ въ государеву отчину въ Казанской уѣздъ въ башкирцы, учелъ кочевати и ясакъ со государевыхъ людей зъ башкирцовъ, почелъ былъ имати и нынѣ государь на Уфѣ велѣлъ городъ поставити и людей своихъ въ немъ устроити для оберéганья Казанского уѣзда башкирцовъ, и и для того, что государевы люди городы многiе поставили въ Сибирской землѣ. И изъ того города зъ Бѣлой волжки казанскимъ людемъ многимъ ходить на Сибирь. А тотъ городъ сталъ на дорогѣ, до и потому, чтобъ казаки бѣглые съ Волги на Бѣлую волжку не ходили и вашимъ улусомъ убытковъ никакихъ не чинили». [1]).

Между тѣмъ какъ послы нагайскихъ мирзъ ѣхали въ Москву и тамъ происходилъ прiемъ ихъ, князь Урусъ въ августѣ снова потребовалъ къ себѣ Ивана Хлопова. О свиданiи съ нимъ и о послѣдовавшихъ за тѣмъ событiяхъ сохранился, къ сожалѣнiю не вполнѣ, слѣдующiй разсказъ, вѣроятно записанный со словъ Хлопова:

И того же лѣта 7094 на спасовъ день присылалъ по . . . въ другорядь, а велѣлъ ему быти у себя . . . къ Урусу князю поѣхалъ, а прiѣх . . . де ты съ добрымъ дѣломъ . . . прежнему и говорилъ Ивану . . . правду далъ и шертную зап . . . вашъ де прислалъ . . . . съ недружбою, а пишетъ въ грамотѣ . . . мнѣ не писывалъ зъ грозами и про башкиръ . . . что хочетъ ставити на Самарѣ и на Бѣлой воложкѣ городы. А сорокъ лѣтъ де какъ Казань взята и Астарахань; ещо деи при казанскомъ царѣ мы владѣли иштеками; а казаки деи и нынѣ въ наши улусы жъ украдомъ приходятъ безпрестанно, и то деи знатно, што онъ . . не

---

[1]) Столбцы изъ нагайскихъ дѣлъ съ новѣйшимъ заглавiемъ: № 10, $\frac{1586}{7095}$ сент. 20, отправленiе въ нагаи пословъ боярскихъ дѣтей Өедора Гурьева, Ратая Норова и Ивана Страхова, посыланныхъ къ нагайскимъ мурзамъ, Урусовымъ дѣтямъ съ жалованьемъ, а съ ними отпускъ изъ Москвы и нагайскихъ половъ Тонказы съ товарищи.

не хочетъ въ миру быти. И только деи твой государь не похочетъ со мною въ миру быти и казаковъ съ Волги и сь Яика не согнать и я съ нимъ стану воеватца и сложуся съ крымскимъ за одинъ. И Иванъ противъ молвилъ: государь нашъ съ войною не прислалъ. А городы государь нашъ ставить велѣлъ на Волгѣ для васъ же, чтобъ воровъ казаковъ съ Волги и съ Самары согнать; а тѣ казаки по нынѣ на Яикѣ воры бѣгаютъ отъ государя нашего людей, и казака бѣглова хто уйметъ ... казаки де государевы вотчины ... украдомъ, ты ихъ зачѣмъ не ... обычаемъ......... А иштаки изстари государя нашего отчина казанского уѣзда, по тому государь къ тебѣ и пишетъ о своей вотчинѣ, чтобъ ея не вступался. И Урусъ князь говорилъ Ивану: про што де ты не писалъ, что осенесь у меня былъ, а я государю твоему правду далъ роту и шерть учинилъ и помирился. И Иванъ говорилъ: какъ .... передо мною государю нашему правду далъ роту и шерть учинилъ, и язъ тотъ же часъ ко государю писалъ о томъ. И та грамота сее грамоту не застала на Москвѣ, потому и писана. И Урусъ князь говорилъ: што деи нашъ миръ? Ино казаки и теперь пришли и воюютъ наши улусы и сестру мою въ полонъ взяли. Только деи язъ, поминая отца своего да старого великого князя, что отецъ мой ему другъ былъ и шерть давалъ и язъ тебя отпущу, а не для нынѣшняго великаго князя; а на казаковъ деи язъ иду, анъ и што надъ ними здѣлаю, то сами увидите. И Урусъ хотѣлъ взять Ивана съ собою какъ пошелъ хъ козачью къ городку. И дворникъ Телессупа Ивана имать не велѣлъ — убьютъ де посла и намъ ... впередъ со государемъ миру не будетъ. И Урусъ князь у Ивана ималъ человѣка Иванова да толмача Бахтеяра къ городку. И казаки его побили и сестру его ссе (кли?).. а городка онъ не взялъ. И Урусъ князь прислалъ къ дворнику (зачеркнуто на Сергѣевъ день) да ве.... Ивана, ограбя, отпустить. И на сергѣевъ день (зачеркнуто: лѣта 7094) пріѣхалъ къ Ивану на от... Оллагулъ мелдешъ... да Янгыдыръ молла да Телесупа и говорили:.... князь де тебя не хотѣлъ отпустить, а хотѣлъ тебя послать въ черкасы, ино деи улусные люди, да и

мы тебя и людей твоихъ роспродать не дали и со государемъ де вашимъ хотимъ миру ... де Урусъ князь отгонилъ насъ отъ Волги, а нынѣ .... мары да отъ Еика. Ино де ... леся и онъ деи тебя намъ да .... и велѣлъ тебѣ грамоту дать и от ... Да дали Ивану отъ Уруса князя ко государю грамоту ... Посылаетъ со мною государь вашъ ко государю нашему грамоту, а пословъ своихъ со мною не посылаетъ не по прежнему обычаю; и онъ бы велѣлъ хотя одного человѣка со мною отпустить для проѣзда, а такъ намъ изъ улусовъ не проѣхати. И Телесупа татарина своего послалъ провожать и мы ему дали шубу. Чтобъ государю ево пожаловати назать ево отпустилъ. И Телисупа на отпускъ Ивана ограбилъ до нага, животишко и рухлядь всее поималъ, а Ивану далъ съ людьми по двое лошадей на голову и всѣхъ далъ четырнадцать лошадей. А у Ивана взялъ двадцать шесть коневъ опричь рухляди всякой, кожъ и платья [1]).

Любопытно то обстоятельство, что продержавъ у себя съ полгода Хлопова, какъ плѣннаго, обобравъ и предоставивъ его при возвращеніи въ Россію на произволъ судьбы, князь Урусъ откровенно прописывалъ это въ своей грамотѣ къ царю Ѳедору Ивановичу (начало ея, гдѣ разсказывалось, какъ Урусъ на первыхъ порахъ принялъ Хлопова и задержалъ его, сообщено уже выше) и надѣялся, что царь пошлетъ къ нему новаго посла и вознаградитъ тѣхъ, которыхъ ограбилъ нагайскій владѣтель (л. 10): «А нынѣ, писалъ Урусъ, будетъ ко мнѣ которое твое слово, и ты бы еси однолично предъ зимою ко мнѣ приказалъ — толды наша и дружба будетъ. А язъ здѣ взялъ у Ивана Хлопова пятнадцать рублевъ денегъ, да двадцать (л. 11) кожъ. И только похошъ меня собѣ другомъ учинити, и какъ Иванъ Хлоповъ до тебя дойдетъ, ты бы тотчасъ вскорѣ человѣка своего ко мнѣ прислалъ. И только до сее зимы человѣка своего ко мнѣ не приш-

---

[1]) Нагайскія дѣла. Столбецъ съ новѣйшею подписью: № 8, $\frac{1586}{7094}$ іюня 29. Отправленіе посла Ивана Хлопова къ нагайскому князю Урусу, къ Сейдъ-Ахметъ-мурзѣ для приведенія ихъ къ присягѣ въ вѣрности россійскому государю Ѳедору Іоанновичу. Часть столбца оторвана съ боку.

лешь, и ты меня другомъ себѣ не чаешь одноличио бы еси пока не учинилъ; да здоровье твое провѣдати послалъ есми Тинали-суфина брата меншого Копладдія, и ты бъ его не задержавъ, вскорѣ ко мнѣ отпустилъ. Да у Будея (выше онъ названъ Будалеемъ) толмача животовъ его много взялъ, и ты бъ его пожаловалъ, велѣлъ ему заплатить»[1]).

Вмѣстѣ съ Хлоповымъ послано было также слѣдующее письмо къ тогдашнему временщику при дворѣ царя Ѳедора Ивановича, Борису Годунову, отъ приближенныхъ князя Уруса:

«Большому везирю Борису Ѳедоровичю Янгыдыръ молла, Ватиръ Мисуфи да Кудакулы Илиметъ челомъ бьютъ. Отъ государя нашего отъ Исмаиля князя государь вашъ и по ся мѣста въ дружбѣ былъ. А нынѣ отъ государя вашего государь нашъ Урусъ князь хотѣлъ отстати, и мы трое насъ, государю вашему служачи, Ивана Хлопова отпустили. И службу, нашу всю Иванъ Хлоповъ самъ видѣлъ и толмачь Будей видѣлъ же. И ты бъ ихъ о томъ спросилъ, да по тому и намъ свое жалованье и держалъ. А о всякихъ о здѣшнихъ дѣлѣхъ, о дружбѣ и о недружбѣ отъ трехъ насъ вѣстно будетъ все. Бьемъ челомъ государю и тобѣ, чтобъ государь пожаловалъ для твоего печалованья свое жалованье прислалъ къ намъ денежокъ. А о нашей службѣ распроси Ивана Хлопова, по тому къ намъ и свое жалованье .... А мы государевы холопи неизмѣнныи. Роспроси про нашу службу ко государю діака государского Ондрея Яковлича, да по тому насъ и жалуй»[2]).

Выше приведено было извѣстіе, что русское правительство, недовольное дѣйствіями князя Уруса, не отправило къ нему новаго посла. Между тѣмъ въ это время въ Астрахани жилъ изгнанный изъ Крыма Муратъ Гирей. Русское правительство окру-

---

[1]) Нагайскія дѣла. Столбцы съ надписью: № 8. $\frac{1586}{7094}$ г. іюня 29. Отправленіе посла Ивана Хлопова къ нагайскому князю Урусу, къ Сейдъ-Ахметъ-мирзѣ и къ прочимъ мирзамъ для приведенія ихъ къ присягѣ въ вѣрности россійскому государю Ѳедору Ивановичу.

[2]) Изъ предыдущихъ столбцовъ нагайскихъ дѣлъ за № 8.

жало его наружными почестями, а въ тайнѣ слѣдило за всѣми его дѣйствіями и употребляло его какъ орудіе для достиженія различныхъ цѣлей при сношеніяхъ съ магометанскими народами [1]), Къ этому-то царевичу Муратъ Гирею въ Астрахань 2 ноября 1586 г. прибыли послы изъ Большихъ Нагай и между прочимъ отъ князя Уруса Иштору богатырь. О таковомъ прибытіи извѣщали царя Ѳедора Ивановича астраханскій воевода князь Ѳедоръ Михайловичъ Лобоновъ Ростовскій въ слѣдующей отпискѣ:

(Л. 10) «И послы, государь, Урусовы царевичю подали грамоты, да и намъ, холопѣмъ твоимъ, отъ Уруса князя и отъ мирзъ грамоты дали. И мы, холопи твои, съ царевичевыхъ грамотъ переводы послали къ тебѣ, государю; а которыя грамоты присланы къ намъ, и тѣ подлинныя грамоты послали подъ грамотою.

А пишутъ, государь, Урусъ князь и мирзы къ царевичю и къ намъ, холопѣмъ твоимъ, чтобъ твоимъ государевымъ городомъ на Уфѣ и на Самарѣ впередъ не быти. И мы, холопи твои, поговоря жъ межъ собя, говорили царевичю, чтобъ царевичь урусовымъ и мирзинымъ посломъ про городы отказалъ, а къ Урусу бъ князю и къ мурзамъ приказалъ, чтобъ они впередъ то дѣло о городѣхъ не всчинали: поставилъ государь городы, оберегаючи Уруса князя и мирзъ для казачья воровства.

Ноября въ 5 день ѣли, государь, у царевича (л. 12). Акъ мирза да Акбердій князь, да Урусовы послы Иштору багатырь съ товарыщи, да Ибреимъ мирзинъ человѣкъ Кечю. И говорилъ имъ царевичъ за столомъ: государь-де меня пожаловалъ отпустилъ для нашего дѣла въ свою государеву отчину въ Асторохань, да далъ-деи мнѣ воеводъ своихъ ближнихъ и великихъ людей; да далъ-деи мнѣ волю надъ Волгою, и надъ Теркою, и надъ Яикомъ и надъ Дономъ, и казакомъ велѣлъ быти въ моей волѣ. И въ тѣхъ городѣхъ, которые государь поставилъ, тожъ мнѣ приказалъ. А я де и вамъ говорю правду (л. 13) по своей вѣрѣ, по мусульман-

[1]) Исторія государства россійскаго, изд. Эйнерлинга. т. X, стр. 33, 34.

ской: Урусъ деи князь простотуетъ, а говоритъ, что которые городы поставлены, и тѣ городы велитъ разорить; а городы де стали по моему челобитью къ государю, что писалъ ко мнѣ Урусъ князь, что ему отъ воровъ отъ казаковъ тѣснота великая, и я де и государю билъ челомъ. И государь де для моего челобитья и Уруса князя оберегаючи и мирзъ всѣхъ, и хотя видѣти Уруса князя, такъ какъ Исмаиля князя, да велѣлъ поставити городы на Самарѣ городъ, да на Бѣлой воложкѣ на Уфѣ городъ. Да и впередъ государь городы ставити хочетъ на Теркѣ и гдѣ государю надобетъ. И Урусъ деи князь для чего городы велитъ разорити, и то деи онъ не гораздо говоритъ; а отъ государевыхъ городовъ убытковъ ему нѣтъ, а прибыли много: казаки его ничѣмъ не тронутъ; то деи на мнѣ положи, только деи Урусу князю (л. 14) надобетъ передъ государемъ оправдатися и правду свою показати. Да пришли деи ко мнѣ Урусъ князь сына своего Янъ арсланъ мирзу, чтобъ де онъ жилъ у насъ во дворѣ. А то деи Урусова предъ государемъ не правда: государь деи его жалуетъ своимъ великимъ жалованьемъ, а онъ деи государевыхъ пословъ безчеститъ, грабитъ и у себя ихъ задерживаетъ, то деи его правда ли? Я де вамъ скажу всю истину свою, что Урусъ дѣлаетъ не гораздо. Я де и самъ мусулмананской государь да и чинъ весь вѣдаю и обычеи: одъ деи хвалитца Крымомъ, или Турскимъ или бухарсхимъ, и я де вѣдаю, тамъ де Урусъ князь не добрѣ похваленъ, а житье ево и богатство все великимъ княземъ московскимъ бѣлымъ царемъ. Говорю деи вамъ правду: не дуруй де Урусъ князь, да и вы. Я де самъ вѣдаю. Буди Урусъ въ государеве волѣ и въ нашей; а старую дурость отставь (л. 15). А я де Уруса не добрѣ добиваюся: государевымъ де жалованьемъ есть у меня здѣсе многая рать съ огненной добою и хто деи будетъ въ государеве волѣ и насъ станетъ слушати и гдѣ велимъ быти, тутъ будетъ готовъ, и государь ево велитъ оберегати. А и то де вамъ говорю правду: которой будетъ не въ правдѣ, и къ государю деи не отпущу, да велю разорить. И послы, государь, царевичю говорили: вѣдаетъ де, государь, Богъ да ты! что государь ни пове-

литъ да и вы, такъ и сдѣлаемъ: Буди повелѣнье государево и ваше. Да говорили, государь, у царевича на пиру Урусовы послы про сибирсково про Кучюма царя, что онъ хочетъ ѣхати въ Нагаи, а юрта своего Сибири отсталъ. И церевичь Муратъ-Кирѣй говорилъ посломъ: дуруетъ деи царь, что такъ волочитца. Добро де ему бить челомъ государю. Велите деи ему ко мнѣ прислати человѣка, и я деи за него стану государю бити челомъ, и государь деи для моего челобитія его пожалуетъ. А въ закладѣ бъ (л. 16) прислалъ ко государю племянника своего или у него живетъ Ильмурзинъ сынъ, и онъ деи ево ко мнѣ пришли, а я ево ко государю пошлю а то минятъ на мнѣ, что для моего челобитія государь его пожалуетъ. А вы де какъ будете у себя прикажите къ нему подлинно»....

Въ отвѣтной грамотѣ Муратъ Гирея было писано къ князю Урусу:

(Л. 41) «Муратъ Киреево царевичево слово Карачѣ нашему и отцу Урусу князю поклонъ, а послѣ поклона слово наше, то есть писалъ еси къ намъ, что три дѣла есть: одно дѣло, то есть, чтобъ намъ быти въ своей волѣ, и язъ государевымъ жалованьемъ въ своей волѣ, а Асторохань въ моихъ рукахъ и приказано мнѣ. Да писалъ еси, что которые городы поставлены, и онъ велѣлъ бы розорити. И государь тѣ городы велѣлъ поставити для васъ, чтобъ вамъ отъ казаковъ нужи и убытковъ никакихъ не было. А отъ тѣхъ вамъ городовъ нужи и убытковъ не будетъ никакихъ. И ты бъ намъ въ томъ вѣрилъ. Да писалъ еси о сестрѣ своей и только не умерла будетъ и язъ ко государю написавъ, къ тебѣ пришлю, и только умерла — Божья воля. И ты бъ, Урусъ князь, отъ государева жалованья не отставалъ; а съ посломъ есми твоимъ сыштору багатыремъ добро говорилъ и пожаловавъ его своимъ жалованьемъ, отпустилъ да послалъ есми къ тебѣ посла своего Сююндука Имилдеша, и ты бъ Иштору багатыря къ намъ назадъ незадержавъ отпустилъ» [1]).

---

[1]) Крымскія дѣла. Столбцы съ новѣйшею надписью: 1586 г.. сентябрь — декабрь. Отписки въ польской приказъ изъ Астрахани отъ воеводъ князя Ѳе-

Приведенныя сейчасъ извлеченія изъ письменныхъ памятниковъ касательно сношеній русскаго правительства съ нагайскими владѣтелями въ 1586 году, даютъ возможность представить слѣдующіе выводы:

Весною 1586 г. нагайскій князь Урусъ получилъ первое извѣстіе о намѣреніи русскихъ построить четыре города: на Уфѣ, на Бѣлой воложкѣ (нынѣшняя рѣка Бѣлая), на Самарѣ и на Увекѣ. Послѣдняя мѣстность упомянута только одинъ разъ въ грамотѣ князя Уруса; затѣмъ въ послѣдующей перепискѣ о ней обходится молчаніемъ, изъ чего можно заключить, что въ 1586 г. къ основанію города но Увекѣ приступлено не было. Извѣстно, что въ нѣсколькихъ верстахъ ниже Саратова донынѣ существуетъ городище Увекъ [1]); сверхъ того, около этого же города (въ 15-ти верстахъ) есть селеніе Набережный Увекъ и (въ 12-ти верстахъ) при рѣчкѣ Увековкѣ, близъ Волги село Увекъ-Ивановское [2]). Для рѣшенія вопроса: городъ, предполагавшійся къ построенію на Увекѣ, не былъ ли нынѣшній Саратовъ? требуются дальнѣйшія архивныя разысканія; здѣсь же слѣдуетъ только напомнить, что Карамзинъ [3]) замѣтилъ: «пишутъ, что Саратовъ основанъ въ 1591 г. Я не нашелъ того въ современныхъ извѣстіяхъ». Между тѣмъ въ Степенной книгѣ есть свѣдѣніе, что изъ Саратова уже въ 1589 г. воеводы князь Засѣкинъ и Туровъ высылали воинскіе отряды для уничтоженія воровскихъ шаекъ на Медвѣдицѣ [4]).

У князя Уруса первымъ возраженіемъ противъ построенія помянутыхъ городовъ было то, что землями, на которыхъ хотѣло русское правительство ставить тѣ города, не владѣли до того

дора Лобанова-Ростовскаго съ товарищи, съ приложеніемъ переписки съ пріѣхавшимъ въ Астрахань на житье крымскимъ царевичемъ Муратъ-Гиреемъ и пр.

[1]) Городскія поселенія въ Россійской имперіи, томъ IV, стр. 407.

[2]) Списки населенныхъ мѣстъ Россійской имперіи, составленные центральнымъ статистическимъ комитетомъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Саратовская губернія, мѣстности подъ №№ 16 и 196.

[3]) Исторія государства россійскаго, изд. Эйнерлинга, томъ X, примѣч. 300.

[4]) Городскія поселенія въ Россійской имперіи, томъ IV, стр. 406.

времени ни дѣды, ни отцы московскаго царя. Далѣе нагайскій владѣлецъ видѣлъ въ этомъ доказательство непріязненности къ нему Руси. Въ жалобахъ князя Уруса лѣтомъ 1586 года упоминается, что «государь ставитъ городы на Самарѣ, на Бѣлой воложкѣ и на Уфѣ». Карамзинъ, зная, что г. Уфа стоитъ при сліяніи рѣкъ Уфы и Бѣлой, говоритъ только объ одномъ этомъ городѣ. Впрочемъ, изъ вышеприведенной грамоты князя Уруса къ царю Θедору Ивановичу ясно, что намѣревались построитъ именно четыре города. Быть можетъ, въ число ихъ надобно включить построенный также на рѣкѣ Бѣлой воложкѣ городъ Бирскъ: выше было замѣчено, что не подтверждается никакими письменными свидѣтельствами, чтобы этотъ городъ былъ построенъ ранѣе г. Уфы, какъ это утверждалъ Татищевъ. Притомъ же, если бы Бирскъ дѣйствительно существовалъ до 1586 г., то построеніе новаго города Уфы въ недальнемъ отъ него разстояніи (менѣе чѣмъ въ ста верстахъ) не должно бы было такъ обезпокоить князя Уруса, такъ какъ тогда бы оказывалось, что русскіе болѣе тридцати лѣтъ имѣли уже поселеніе на недальнихъ отъ Уфы земляхъ.

Изъ вышеприведенныхъ современныхъ свидѣтельствъ несомнѣнно, что Самара основана въ 1586 году и имѣла уже въ этомъ году своего воеводу, къ которому писались грамоты отъ имени царя.

Въ сентябрѣ 1586 года, русскимъ посламъ наказывалось убѣждать нагайскихъ владѣтелей, что городъ на Уфѣ, на Бѣлой воложкѣ велѣно «нынѣ поставити» для защиты отъ сибирскаго царя Кучюма, начавшаго было собирать ясакъ съ подвластныхъ Россіи башкирцевъ; кромѣ того — чрезъ городъ Уфу пролегала въ тѣ времена дорога для русскихъ людей изъ Казани въ Сибирь, гдѣ были не задолго предъ тѣмъ основаны города Тара, Тюмень, а въ 1586 г. начатъ постройкою и Тобольскъ. О старинной дорогѣ изъ Уфы на Сибирь въ городѣ Уфѣ въ XVIII вѣкѣ напоминали существовавшія тогда тамъ сибирскія ворота[1]) и сибир-

[1]) Географическій лексиконъ Россійскаго государства Θ. Полунина, изданный Г. Θ. Мюллеромъ, стр. 429.

ская улица. Еще въ настоящее время указываютъ, что дорога та шла на Дудкинъ перевозъ мимо нынѣшняго архіерейскаго хутора, находящагося не вдалекѣ отъ Уфы[1]).

Въ ноябрѣ 1586 г. послы нагайскихъ владѣтелей явились въ Астрахани. Главное и единственное ихъ домогательство было: «государевымъ городамъ на Уфѣ и на Самарѣ впередъ не быти». Въ отвѣтъ на это имъ возражалось, что разорять этихъ городовъ нѣтъ никакихъ причинъ. Такой отвѣтъ убѣждаетъ, что въ теченіе весны и лѣта 1586 г. успѣли основать не только Самару, но и Уфу.

---

[1]) Сборникъ статистическихъ, историческихъ и археологическихъ свѣдѣній по бывшей Оренбургской и нынѣшней Уфимской губерніямъ (Уфа, 1868 г.), статья г. Р. Игнатьева: Чертово городище въ окрестности г. Уфы, стр. 25.